

НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ БАРАНОВ

старший научный сотрудник
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
baranovni@mail.ru

ЕЛЕНА ГАРРЬЕВНА ЭРГАРТД

научный сотрудник
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
elenaergardt@mail.ru

О ПЕРСОНАЖЕ СЕМЕН БАШКИН В РОМАНЕ Б. ЖИТКОВА «ВИКТОР ВАВИЧ»

А н н о т а ц и я . Предпринято изучение историко-биографических шифров в системе персонажей романа о революции 1905 года «Виктор Вавич» Бориса Степановича Житкова. Выдвигается гипотеза, что прототипом Семена Башкина в романе стал К. И. Чуковский. Для обоснования гипотезы был привлечен мемуарный источник – неопубликованный дневник Б. С. Житкова за 1936–1938 годы, в котором содержится указание на использование в качестве прототипа героя друга детства – К. И. Чуковского. Впервые вводятся в научный оборот оригинальные записи неопубликованного дневника Б. С. Житкова 1936–1938 годов, находящегося в собственности авторов. Проводится сравнительный анализ развития образа персонажа и портретно-биографического нарратива прототипа, в ходе которого предлагаемая гипотеза находит свое подтверждение. В результате исследования по-новому раскрывается образ другого героя романа – гимназиста Коли, который в системе внутренних взаимосвязей персонажей выступает как скрытый образ Семена Башкина в детстве, в историко-биографической проекции – отсылает к характеру детских взаимоотношений гимназистов Б. С. Житкова и К. И. Чуковского (Николая Корнейчукова), описанных К. И. Чуковским в своих воспоминаниях. Анализ образа Семена Башкина дает возможность оценить многомерность всех действующих лиц в романе «Виктор Вавич». Значение данного исследования важно как для понимания отдельных героев, так и для изучения романа в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Б. С. Житков, К. И. Чуковский, роман «Виктор Вавич», советская литература, революция 1905 года, автор, герой, персонаж, прототип

Д л я ц и т и р о в а н и я : Баранов Н. И., Эргартд Е. Г. О персонаже Семен Башкин в романе Б. Житкова «Виктор Вавич» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 53–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1024

ВВЕДЕНИЕ

Писателя Бориса Степановича Житкова хочется назвать «представителем литературы с е г о д н я ш н е г о д н я» [1: 128], ибо все сказанное им остро, актуально и действенно. «Вторая природа», как метко назвал литературу М. Горький, всегда была для Б. С. Житкова предметом активного изучения, буквально – полем битвы за будущее. Именно поэтому так страстно и непримиримо сражался он с фальшивым словом. Но эта непримиримость не имела ничего общего со снобизмом. Такая резкая оценочная форма была лишь следствием истинного неравнодушия к делу, настоящий профессиональ-

ный разговор, в котором он «не щадил ни друзей, ни недругов и ничьего самолюбия» [5: 314]. К слову, еще более жестко он относился к самому себе, «вечно неудовлетворенный степенью достигнутой им правды» [11: 302]. Самым важным Б. С. Житков считал «большой обыск в себе» [9: 18]. По словам Б. А. Ивантера, Б. С. Житков «никогда не остывал, и трудно было не обжечься, работая с ним» [5: 314]. Со стороны он выглядел желчным, не любящим людей человеком, чьи меткие язвительные определения не щадили даже друзей. Как известно, с К. И. Чуковским Б. С. Житков был знаком еще с детства, когда они были учениками-одноклассниками Одесской второй гимназии. К. И. Чуковский

вспоминал: «Житков казался мне самым замечательным существом на свете, и меня тянуло к нему, как магнитом» [12: 246]. Примечательно, что Житков-гимназист уже тогда отличался от сверстников обширными знаниями в различных областях, и он, «педагог по природе, жаждал учить, наставлять, объяснять, растолковывать» [12: 248]. Воспитанный родителями в атмосфере абсолютного доверия, будущий писатель очень трепетно относился к слову вообще и не терпел нарушения данного слова. Л. К. Чуковская писала, что к любому собственному обещанию «он относился торжественно» [11: 302], чего и требовал от других. Наглядной иллюстрацией предстает случай, описанный К. И. Чуковским, когда весной 1897 года он и Б. С. Житков, пятнадцатилетние мальчишки, отправились пешком в Киев: «Предварительно была составлена бумага, в которой определялись наши взаимные отношения во время всего путешествия». Один из пунктов гласил, что во всех затруднительных случаях нужно беспрекословно подчиняться Житкову, как командиру, если же это будет нарушено дважды, «дружба кончена на веки веков» [12: 257]. Действительно, именно так и закончилась их детская дружба: К. И. Чуковский из упрямства и малодушия «нарушил договор», а невозмутимый Житков жестко сдержал свое слово. Впоследствии детская ссора забылась, дороги на время разошлись, а судьбоносная встреча состоялась более чем через двадцать лет, в 1923 году, когда К. И. Чуковский, слыша какие замечательные истории Б. С. Житков рассказывает его детям, предложил приятелю стать литератором. Через несколько дней Б. С. Житков принес морскую новеллу, записанную убористым почерком в школьной тетради на половине листов, вторая пустая половина предназначалась для исправлений профессионального писателя. Но К. И. Чуковский увидел, что автор – «опытный литератор, законченный мастер с изощренной манерой письма, с безошибочным чувством стиля, с огромными языковыми ресурсами» [11: 301]. «Языковой ресурс» был результатом опыта и цепкой памяти Б. С. Житкова. «Не пишу, пока все не выстоится, т. е. не слова, а самое главное. Все остальное само приходит из обстоятельств – и слова и действия», – писал он в одном из писем [11: 301].

История развития отношений с приятелем детства была, по-видимому, глубоко осмыслена Б. С. Житковым, тревожила его, заставляла изучать природу неоднозначности, разноплановости, многомерности личности конкретного че-

ловека и человека вообще. Итогом этих размышлений явился персонаж Семен Башкин в романе «Виктор Вавич». По словам Б. Л. Пастернака, это лучшая книга о 1905 году, удивительно принадлежащая детскому писателю Б. С. Житкову, она заслуживает отдельного и особого внимания как «очень большой литературный факт» [10: 650], осознать который еще потребуются значительное время, когда-то отнятое цензурой у этого произведения. Не останавливаясь, однако, на идеологических аспектах первых критических статей, отметим схожесть в оценке конкретно-предметных описаний. «Роман подавляет этой конкретностью», «от этой яркости трудно читать», – отзываясь о романе Вс. В. Лебедев [7: 174], о «мозаичности» повествования говорит и С. Герзон [4: 60–61]. Поэтому «отделенность» [7: 174] такого персонажа, как Семен Башкин, не является избирательной, но включает в себе личное отношение автора к прототипу героя.

* * *

В дневнике за 1938 год¹ [3: 70–71] есть такая запись:

«Всеволод (Вс. Лебедев. – Н. Б., Е. Э.) ругал Чука и подлецом и прохвостом». «Он, конечно, “прохвост”»: т. е. эгоист, циник, пошляк, прикрывающийся общественно-настроенным деятелем и ревнителем. Человек беспринципный, т. е. по-башкински не верящий в добродетель и глубоко уверенный, что все сукины-сыны, как и он, думающие только о теплом навозе. Вопрос в том, насколько мол другие себя и других лучше обманывают в своих “принципиальностях” – но врать он готов сейчас же и кроме страха и презренья, объединенного зачастую, у него другого отношения к людям нет. Все это перемежается сантиментальными порывами уж какого-то литературного колера. В Башкине мне все же не удалось оправдать Корнейчукова. Никто, кажется, кроме Женьки Шварца, его в Башкине не узнал. А я-то писал и боялся, что больно портретно выходит и что скандально похоже»².

Персонаж Семен Башкин создается автором как *новый* биографический нарратив. Быть может, на страницах романа идет борьба с устоявшимся нарративом? Попытаемся понять, насколько Башкин «похож» на «натуру», с которой списывался. В тексте романа есть такие описания этого героя:

«сощурил глазки и скривил толстые губы» (46)³, «толстые обветренные губы» (250), «Он улыбался толстыми губами» (565), «выпятил узкую грудь» (91), «сел на кончик стула, плотно сжал свои острые колени, уложил на них пакет и начал, слегка покачиваясь» (91), «высокий человек» (312), «И зарубите на своем носу – места, кажется, хватит?» (206) (указывается на большой нос Башкина); «знакомая спина вихляется – высокая, как пальто на щетке» (423).

Большое внимание уделяется автором походке персонажа:

«хлябал враскидку широкими шагами» (49), «тараторил калошами» (49), «Башкин разбрасывал широко ноги, изгибался и все-таки задевал стулья» (90), «зашагал саженым раскидистым шагом», «зашлепал громадными калошами», «шире замахал ногами» (313).

Безусловно, и некое внешнее сходство, и пластика движений угадывается, а что же представляет из себя Семен Башкин, зачем он живет в этом романе? Впервые Башкин предстает перед читателем молодым человеком «в штатском сюртуке, с рукой на черной перевязи» (46), и с первых же слов к этой фигуре читатель невольно испытывает недоверие. Башкин в течение разговора стремительно меняется: вот он подозрителен, вот «сделал сразу серьезное и умное лицо» (46), потом «наскоро сделал хитрое лицо» и «опять сделал умное лицо» (47). Башкин объясняет «бойко, литературно» (46), отчего его рука на перевязи, а чуть позже появляется без повязки, «руки в карманах» (49). Этот герой не лжец поневоле, он испытывает *потребность* в зрителе, он одновременно и зритель, и актер своего собственного театра. Неоднократно в романе его называют «пошлый шут», «кривляка», «обезьяна», «балаганщик», который говорит «бабьим», «уличным голосом», говорит «как перед толпой», «декламирует», он и «думал словами, как будто произносил речь перед толпой». В такие минуты Башкин *обладает* чужим вниманием, кратковременной, но все-таки властью. Он завидует людям, «которые имеют право судить и карать», тому, кто будто «пророк и знает истину» (50). «Люди с правами его злили – за собой он не чувствовал этих прав» (55), при этом отчаянно желал их иметь. Однако в своем *бесправном* положении Башкин находит и приятную для себя отдушину – «у таких людей (у людей с правами. – Н. Б., Е. Э.) это не от высшего» (50), «обыкновенное туполюбие. Раздутая в чванство бездарность» (55). Башкина внезапно осеняет: «Для лакеев нет великих людей», потому что «они-то одни их и знают по-настоящему» (57), и записывает в специальную тетрадь: «Великим людям досадно, что лакеи их отлично знают» (57).

От описания внешности героя автор переходит к его мыслям, запечатленным в дневнике, создавая типаж человека своего времени. В этой же тетради появляются «Тезисы, по которым жить» (94). Первый значился – «1. Н. В.» – не врать, второй «2. С. и С.» – спокойствие и смелость (любопытно, что при этом он не ре-

шился написать слова полностью, «а вдруг кто увидит?» (94)). «Ему казалось, что вот пришла судьба и дала ему белый лист: что тут напишешь, то и твое» (94). В этот момент *всё* было в его руках, «он жадно думал, чего бы еще пожелать» (95). Эта забавная сцена с «тезисами» – наивно-детская, как ожидание волшебства, некоего чуда, веры в свое могущество, весьма показательна. Чистые, искренние желания, детскость и ребячество живут в Башкине одновременно с детской же трусостью, духовной *невзрослостью*, что приводит к трагической нелепости – Башкина арестовывают, а его тезисы, про которые он «не сразу даже вспомнил, что значили эти “С. и С.”», в полиции расшифровывают так: Н. В. – «немедленное восстание», а С. и С. – «свержение и социализм» (192). Башкин становится агентом по фамилии Эс-Эсов, получив хрестоматийные 30 рублей.

О «страхе и презрении» писал Б. С. Житков в своем дневнике. Смешавшись, эти чувства раскрываются в персонаже романа через показное, театральное, он отворачивается к зеркалу, «стараясь удержать выражение лица», «грустное, доброе» (57). Даже в тюремной камере он *любит* угол, в котором пуговицей от пальто поставил крест. «Это значило, что на пятый день он *должен* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) умереть от голода» и «слезы *удовлетворенной* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) обиды тепло подступали к горлу» (134)). «Гордый труп» (134) – именно такой в этот момент представляется Башкину его роль, роль мученика.

Роман «Виктор Вавич» – «масштабная историческая фреска» [2: 619], в которой все изображенные герои прописаны острой, тонкой кистью. Околоточный надзиратель Виктор Вавич – номинально главный герой, а по существу, главными по очереди оказываются все персонажи, выходящие на авансцену спектакля «*О чужих интересах*» [2: 617] и *борьбе «за неведомо чье светлое будущее»* [2: 618]. Двойственность, тройственность, многоликость присуща чуть ли не каждому герою этого романа. Для них характерна театральность, пусть не такая утрированная, уродливая балаганность, которой наделен Семен Башкин. Виктор Вавич – вольноопер (то есть вольноопределяющийся, добровольно поступивший на службу и пользующийся определенными льготами) второго разряда. Появляется на страницах романа как актер, в образе: щеголяет в пустом дворе, затянутый ремешком, в начищенных ботфортах, с образцово вычищенной винтовкой; печатает учебным ша-

гом и при этом лицо у него делается «лихим и преданным. Как будто начальство смотрело, а он нравился» (11). Приехав в город для устройства на службу околоточного надзирателя, Вавич примеряет на себя роль городского. Сначала несмело: «не знал: пятиться к двери задом или повернуться по-военному, и боком пошел к двери» (128). Получив форму полицейского, Вавич примеряет ее – и происходит перерождение. «Он уж боком глаза видел, как кто-то чужой копошится в зеркале», «Чужая, не его тень» (148) стоит на стене. Виктору становится жутко, и, чтобы уменьшить тень, он решительно шагает к ней и «на ходу» видит, «как в зеркале в шкафу прошел квартальный» (148). Он смотрит на себя со стороны, как на чужого, неизвестного человека, но уже утром перед зеркалом с удовольствием «репетирует» нужные жесты. «Теперь самое главное – усмешку судьбе». «Он откидывался назад и поднимал руку, слегка растопырив пальцы. Вынул шашку, нахмурился, на цыпочках наклонился вперед – подойди» (149). И уже в этой новой роли Вавич орет швейцару: «Колпак скинь, сволочь!», «Ка-ак стоишь? Рвань!» (150), думает про свое приказание извозчику: «Очень, очень натурально вышло» (170) – так актер оценивает свою игру.

Вообще, герои романа Б. С. Житкова часто смотрят на себя в зеркало, лицедействуют, позерствуют: выстраивают «желаемый», «красивый» образ себя, одновременно проецируя попытку автора разглядеть в человеке скрытое, потаенное, стыдное: и полицеймейстерша Варвара Андреевна играет роль, скосившись в зеркало «широким глазом» (469); и Таня Ржевская в платье цвета «неведомого огня» (503) не может оторваться от зеркала – «воткнулся глаз в глаз» (503); и Надя Тиктина – «товарищ Валя» в поисках укромного места для революционных журналов вспоминает себя 12-летней, когда она, распустив волосы и украсив платье розой, лежит, словно мертвая, поглядывая в зеркало трюмо, ей «и гордо, и жалостно» (31). Так ли далеко ее «актерство» от Башкинского кривляния, когда она представляет себя Жанной д'Арк, ведущей рабочих на «святой и правый бой» (82), когда думает, «пусть ее хватают – она отдает себя», а «она смотрит “гордо и смело”» (82). В мечтах она чувствует «восхищенные взгляды, как тогда девчонкой, когда умирала перед бабушкиным трюмо». Как много в этом детского – желания заглянуть в будущее и актерского – желания посмотреть со стороны. Надя надевает белый воротничок – «пусть арестовывают, это будет оттенять ее: де-

вушка и жандармы» (82). Кто же отражается в зеркале – студентка-социалистка или ребенок-актриса? Или, к примеру, чем лучше «гордого трупа» Башкина Филипп Васильев, который «от злобы, от зависти, *назло* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) умрет» (223). Быть может, не только Башкин, но и другие персонажи «обманывают в своих “принципиальностях”»^{4?}

Для Б. С. Житкова, нетерпимого к нарушению слова, к предательству, изучение «человека беспринципного» (unprincipled homo) – крайне необходимо, жизненно важно. Этот вопрос мучителен для него прежде всего как для человека, а как писатель он пытается через фигуру Башкина прийти к пониманию и прощению. «Главное, надо любить того человека, про которого пишешь», – делится Б. С. Житков с Л. К. Чуковской [11: 301]. Он *видит* ребенка в Семене Башкине, когда тот болеет у Тиктиных дома:

«какие светлые добрые глаза – показалось Наденьке. Совсем детские, беспомощные» (250); «Башкин повернулся на бок, положил сложенные руки под щеку, подогнул коленки – они остро торчали под пикейным одеялом» (250); «он покорно, по-детски, лежал с поднятыми бровями» (251),

когда дает себя одеть и укутать шарфом, когда, «перегнувшись через перила, лег животом и поехал вниз» (275) или «забарабанил губами как дети» (276).

Запуганный Башкин по-детски сообщает квартирной хозяйке: «Меня хотят убить разбойники» (556), растерянный Башкин, как ребенок, подкидывает шапку и вертит «в носу длинным пальцем» (565). Незрелость или непосредственность?

В этой связи любопытно появление такого персонажа, как гимназист Коля, ученик Башкина. Вначале аморфного, гипотетического, когда Башкин, получив на чужое имя, «до востребования» открытки «Альбом красавиц – парижский жанр», пишет на конверте «Отобрано у Коли, 27/II» (56). После фигура Коли обретает индивидуальность, отчасти напоминает самого Башкина: гимназист ведет себя, «как мальчик из книжки» (309) – молча моется под ледяной водой, сидит прямо, аккуратно шагает в гимназию и мечтает: «Если так вот все делать, и двоек никогда не будет, все пойдет, как в книжке» (309), но, вспомнив о «письменном ответе» по арифметике, сворачивает в парк и отцепляет с околыша фуражки гимназический герб. «Какое кому дело, просто мальчик!» (311). Коля решает сидеть под дождем на скамейке до окончания уроков и думает, как Башкин в тюрьме: «И чем

хуже, чем мучительнее сидеть, тем лучше» (311). Автор будто представляет Семена Башкина *в зародыше*, в начале своего развития (примечательно, что гимназиста зовут Колей). Еще более интересна сцена встречи Башкина со своим учеником. Он успокаивает Колю и предлагает объяснить арифметику, на недоумение ученика отвечает: «Что, я не имею права любить? <...> Все делают пакости и все имеют право! Пра-во! Любить!» (313–314). В лице Коли Башкин оправдывает самого себя, но после, раздираемый противоречивыми чувствами, учиняет гимназисту настоящий допрос, моделируя собственную ситуацию – допытывается у Коли, «доносил ли на товарищей». Он пугает мальчика резкой сменой поведения: то раздражался, то говорил «довольным голосом» (315), то «шаловливо трепал Колин затылок», то «возбужденным тонким голосом выкрикивал» (315). Башкин «новыми, чужими глазами въедался» в Колю, казался ему «огромным червем» (315), Коля «взглянул в глаза Башкину и совсем, совсем не узнал, кто это» (316), а лицо учителя «становилось все яростней и страшнее; казалось, что копится, копится и сейчас самое ужасное, *последнее* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) вырвется оттуда» (316). Буквально Башкин *теркает лицо*, становится ужасным червем, гидрой, мифическим, абсолютным злом. Он будто одну за другой снимает маски, и последнее, страшное и есть то, *что* он из себя представляет. Во время допроса Башкин играет с Колей «*в самого себя*», одновременно отстраняется от своей персоны, жестоко наказывает и тут же прощает другого.

Личная, внутренняя история Башкина – весьма яркий пример. Автор по-человечески пытается понять побуждающие мотивы, но «оправдать» в Башкине реальное лицо, по его словам, «все же не удалось»⁵, поэтому жизнь персонажа прерывается. Писатель «убирает» Башкина в самой высшей точке его развития, словно боясь *характерного* попятного хода. Более того, неожиданна и бессмысленна, в отличие от ухода Семена Башкина, смерть «главного героя», который не был готов ни к своей смерти, ни к своей жизни. (К слову, вспомним рассуждения социалиста Саньки Тиктина: «Оттого и знают, как жить надо», потому что смерть «между ними ходит» (556)). Как ни странно, именно расхлябанный, нелепый Башкин проходит в романе «*по восходящей*». Он *хочет* верить в то, что он «хороший человек» в начале, когда театрально удерживает в зеркале «грустное, доброе» (57) выражение лица, и потом, когда выходит «Высочайший манифест», «Конституция», Башкин ликует: «Я,

я всех свободней!» (488), он чувствует, что с него снята вина, ему не надо больше доносить: «никаких городских, никаких охренок, никаких жандармов». «Ух, я теперь буду жить!» – восклицает он, словно жизнь может начаться с *чистого* листа. В подтверждение этой мысли – его реплика «А этот мальчик, Коля, замечательный, я приведу, к вам приведу» (488). Башкин-Коля оправдан и помилован, ведь он называл себя «самый, самый ужасный человек “Хуже Иуды”» (255). Библейский сюжет о тридцати сребрениках с житейской прямоотой обращен к читателю романа – ротмистр Рейендорф выдает агенту Эс-Эсову конверт, где «*красным* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) карандашом широко было написано: «“тридцать рублей”» (207). В этом эпизоде уже заложен выход Башкина со сцены: «это на побег» (208), – думает он. Прощаясь с Колей, Башкин говорит: «Я сейчас уезжаю. Может быть, навсегда, навеки, как покойник. Насовсем!» (564). И *красным* карандашом Семен Башкин пишет свое имя на обернутой бумагой «железной книге» – бомбе в переплете от Библии, отводя подозрение от Саньки Тиктина. Башкин бросает бомбу в полицейского Грачека, известного своей жестокостью. «Шесть человек было убито», «Ротмистр Рейендорф отказался в кровавых кусках опознать Башкина» (613). Искупление совершается. Буквально *красным* цветом прочерчен путь Башкина в романе «Виктор Вавич». Однако, обратим внимание, как взыскательный к слову Б. С. Житков описывает «смерть» Башкина – «*отказался опознать*». Что это? Воскрешение покаявшегося или триумф вечного зла: башкины исправимы или башкины будут всегда?

Всего несколько строк дневника о приятеле детства и его художественной проекции, а какая борьба и боль за этот персонаж в романе, захватившем Б. С. Житкова «неотвратимо» [2: 619]. В романе «Виктор Вавич» у героев нет ответа, «для чего жить», есть вопрос, «за что и как умереть». «За самое главное, за дорогое» (51), – говорит Подгорный, «пусть из земли поднимется... из крови дух к небу. И от меня, от нас к другим – как ветер по земле, по времени» (225), – говорит Санька Тиктин. Б. С. Житков и сам стремился жить и писать «пронзительно», «на смерть» [6: 504]. В период создания романа он довольно часто писал Л. К. Чуковской (работа над произведением длилась более пяти лет, завершилась в 1934 году, а с 1927 по 1931 год писатель общался в письмах с Л. К. Чуковской). Она вспоминает, что Б. С. Житков «любил читать вслух свои новые вещи» [11: 299], проверяя, насколько воспри-

имчив к тексту слушатель, задавая вопрос, писатель становился требовательным экзаменатором, не прощающим «фальши, полужнаительства, приблизительности, уклончивости» [11: 300], а ответ от слушателя должен был быть «искренним, прямым и в то же время обоснованным, точным» [11: 300], иначе «сарказмы и разоблачения так и сыпались на вашу голову». Но и к себе Б. С. Житков относился критически.

«А про свое писанье я вот почему думаю, что не то. <...> Все не в самую точку, не туда, где самая-то жизнь в каждом человеке бьется». «Я написал одну главу на днях. Потом мучился – показалась сентиментальной. Стал подозревать всё. И все показалось сентиментальным и хорошо обвороченным в конфетные бумажки. Захотелось все бросить. Потом стал упрекать себя в малодушии: плохо, так еще не конец, дальше пиши – лучше. Доведи до конца, а потом пересмотри и переделай» [6: 504],

– писал он Л. К. Чуковской о работе над «Виктором Вавичем». Отчасти роман стал памятником «охватывавших Бориса Житкова страстей» [2: 618]. Любой художественный текст можно воспринимать как выражение субъективности автора, но истинный художественный текст не тождествен ей, свободен и существует автономно, в чем, собственно, и есть смысл и культурная ценность художественного произведения. «То, что говорит текст, важнее того, что хотел сказать

автор» [8: 217]. Благодаря или вопреки прототипу Семен Башкин, как и другие персонажи, занял свое место в масштабном мозаичном панно романа «Виктор Вавич», в «распахнутом пространстве» «летописи народной жизни» [13: 162, 166].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании оригинальных записей дневника Б. С. Житкова подтверждается, что прототипом Семена Башкина в романе был К. И. Чуковский. Но, учитывая двойную портретно-психологическую проекцию прототипа в системе персонажей: учитель Башкин – гимназист Коля, и с этой же позиции в художественной биографии персонажа (Башкин – учитель по профессии), начинается новый, принципиально отличный от прототипа, биографический нарратив героя. Это значит – «расширение» персонажа Башкина до типажа одного из «героев нашего времени», в проекции историко-биографической и мемуарного плана романа – персонажа, представляющего «наше поколение». И только в этом контексте, из которого автор не изымает и себя, работают те «обвинительные» и «оправдательные» смыслы об интеллигенции и революции, отцах и детях, личности и социуме, политике и этике, жизни и смерти, подвиге и предательстве, мечте и действительности, которые находим в полифоническом романе Бориса Житкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дневник Житкова Б. С. 1936–1938 годы. Архив авторов.

² Там же. Л. 6 об.

³ Житков Б. Виктор Вавич. М.: Независимая газета, 1999. 628 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страниц.

⁴ Дневник Житкова Б. С. 1936–1938 годы. Архив авторов. Л. 6 об.

⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев К. К. Борис Житков – автор научно-художественной книги // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 126–160.
2. Арьев А. Ю. Долгая зима в городе N // Житков Б. Виктор Вавич. М.: Независимая газета, 1999. С. 615–622.
3. Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. Житков – писатель-педагог (По материалам дневника 1936 года) // Теория и практика регионоведения. Труды I Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Кн. первая. СПб.: Скрипториум, 2018. С. 70–91.
4. Герзон С. Среди книг. Житков Б. Виктор Вавич. Кн. 1 // Художественная литература. 1934. № 6. С. 60–61.
5. Ивантер Б. А. Борис Житков // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 312–320.
6. Житков Б. С. Письмо Л. К. Чуковской. 6 февраля 1927 // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 503–505.
7. Лебедев В. С. О Викторе Вавиче Бориса Житкова и по поводу // Звезда. 1933. № 2-3. С. 172–177.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. 416 с.
9. Смирнова В. В. Мысли Бориса Житкова о литературе, воспитании и детской книге // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 14–41.
10. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., 1997. 912 с.
11. Чуковская Л. К. Экзамен // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 294–302.
12. Чуковский К. И. Детство // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 245–265.

13. Шубинский В. И. «Последний русский роман». О кн. Бориса Житкова «Виктор Вавич» // Октябрь. 2001. № 2. С. 162–166.

Поступила в редакцию 20.07.2023; принята к публикации 31.01.2024

Original article

Nikolai I. Baranov, Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation) baranovni@mail.ru

Elena G. Ergardt, Research Associate, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation) elenaergardt@mail.ru

EXPLORING THE CHARACTER OF SEMYON BASHKIN IN BORIS ZHITKOV'S NOVEL *VIKTOR VAVICH*

Abstract. This article explores historical and biographical ciphers present in the character system of Boris Stepanovich Zhitkov's novel *Viktor Vavich*, which revolves around the Russian Revolution of 1905. The main focus is on the character of Semyon Bashkin, with the hypothesis proposing that his prototype was Korney Ivanovich Chukovsky. Memoir sources, particularly Zhitkov's unpublished diary from 1936–1938, were consulted to support this claim. This diary indicates Chukovsky, the author's childhood friend, as the inspiration for the character. The original entries from Zhitkov's diary, now in the possession of the researchers, are introduced into scholarly discourse for the first time. The hypothesis is validated through a comparative analysis of the character development and the biographical narrative and portrayal of Chukovsky. Additionally, the study sheds new light on another character in the novel, the gymnasium student Kolya, revealing him as a childhood representation of Semyon Bashkin in the system of internal relations between the characters and from the historical and biographical perspective – referring us to the gymnasium relationship between Zhitkov and Chukovsky (Nikolay Korneychukov) as depicted in Chukovsky's memoirs. The in-depth analysis of the character of Semyon Bashkin allows for a multidimensional assessment of all characters in *Viktor Vavich*, enhancing understanding of individual characters and the novel as a whole.

Key words: B. S. Zhitkov, K. I. Chukovsky, novel *Viktor Vavich*, Soviet literature, 1905 Russian Revolution, author, hero, character, prototype

For citation: Baranov, N. I., Ergardt, E. G. Exploring the character of Semyon Bashkin in Boris Zhitkov's novel *Viktor Vavich*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):53–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1024

REFERENCES

1. Andreev, K. K. Boris Zhitkov – the author of a science-based fiction book. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 126–160. (In Russ.)
2. Aryev, A. Yu. Long winter in the N-city. *Zhitkov, B. S. Viktor Vavich*. Moscow, 1999. P. 615–622. (In Russ.)
3. Baranov, N. I., Ergardt, E. G. Zhitkov – writer and teacher. (Based on the materials of the 1936 diary). *Theory and practice of regional studies. Proceedings of the I International research and practice conference*. St. Petersburg, 2018. Vol. 1. Book 1. P. 70–91. (In Russ.)
4. Gerzon, S. Among the books. Zhitkov B. *Viktor Vavich*. Book 1. *Hudozhestvennaya literatura*. 1934;6:60–61. (In Russ.)
5. Ivanter, B. A. Boris Zhitkov. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 312–320. (In Russ.)
6. Zhitkov, B. S. A letter to L. K. Chukovskaya. 6 February 1927. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 503–505. (In Russ.)
7. Lebedev, V. V. Exploring Boris Zhitkov's novel *Viktor Vavich*. *Zvezda*. 1933;2-3:172–177. (In Russ.)
8. Ricoeur, P. The conflict of interpretations. *Essays on hermeneutics*. Moscow, 1995. 416 p. (In Russ.)
9. Smirnova, V. V. Boris Zhitkov's thoughts on literature, education, and children's books. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 14–41. (In Russ.)
10. Chukovskaya, L. K. Notes about Anna Akhmatova. Vol. 2. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
11. Chukovskaya, L. K. Exam. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 294–302. (In Russ.)
12. Chukovsky, K. I. Childhood. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 245–265. (In Russ.)
13. Shubinsky, V. I. “The last Russian novel”. About the novel *Viktor Vavich* by Boris Zhitkov. *Oktyabr*. 2001;2:162–166. (In Russ.)

Received: 20 July 2023; accepted: 31 January 2024